

НА РАЗВАЛИНАХ ЗАПАДНОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ. РИМ И ВАРВАРЫ

В середине I тысячелетия Римская империя на Западе прекратила свое существование, и на ее месте возникли «варварские королевства».

ПРОБЛЕМА «ВАРВАРОВ»

События приняли для Рима катастрофический оборот в конце IV в. Появившиеся в степях Восточной Европы гунны молниеносным ударом разгромили готов, контролировавших территорию Поднепровья. Часть побежденных последовала за победителями, другие униженно просили императора Валента позволения перейти Дунай и поселиться в пределах Римской империи. Вскоре взаимное недоверие готов и римлян вылилось в военную конфронтацию, развязка которой наступила 9 августа 378 г. Разгром римлян при Адрианополе (совр. Эдирне) был столь сокрушительным, что сам император Валент пропал без вести (см. также том I. С. 688). Недавние беженцы на время оказались хозяевами положения. В череде военных столкновений и договоров под единоличный контроль готов фактически перешли целые римские провинции на Балканах и в Подунавье.

Нашествие Радагайса в Италию в 405 г. закончилось истреблением полчищ «варваров», но в ночь на 31 декабря 406 г. вандалы, аланы и свевы прорвали лимес империи на Рейне. Три года грабежей и насилий, по выражению очевидца, превратили Галлию в один погребальный костер. Осенью 409 г. вандалы, аланы и свевы сумели пробиться через Пиренейские перевалы в Испанию и закрепились там. Новость о взятии Рима готами под предводительством Алариха 24 августа 410 г. потрясла воображение современников: три дня Вечный город находился в руках варваров. Впрочем, со стороны Алариха это было прежде всего демонстрацией силы и имело целью склонить римлян к выгодному союзу. По договору с римскими властями готы получили значительные области в Южной Галлии, еще больше расширили их военным путем и продвинулись глубоко в Испанию, вытесняя оттуда вандалов. Вандалы и примкнувшие к ним аланы через Геркулесовы столбы переправились в римскую Африку (совр. Алжир и Тунис). В 455 г. во главе с конунгом Гейзерихом они с моря вторично напали на Рим и разграбили его.

К середине V в. западные провинции Римской империи содрогнулись под страшным ударом гуннов. В 451 г. сражавшиеся плечом к плечу римляне и германцы остановили гуннский натиск в истребительной битве на Каталаунских полях в Галлии. Гуннская держава распалась со смертью своего предводителя Атиллы два года спустя. Врагов у римлян от этого не стало меньше. Подобно взорвавшемуся вулкану, она извергла в римский мир огромные куски прежней гуннской коалиции. Британия, оставленная римскими войсками, мало-помалу становилась добычей англов, саксов и ютов. На свою долю Галлии, помимо готов, претендовали бургунды, а затем франки.

Франкский король Хлодвиг в сражениях с римлянами и готами в 481 и 507 гг. объединил под своей властью три четверти галльских земель. Его сыновья довершили дело, в 534 г. расправившись со слабосильным Бургундским королевством. После 476 г. Италию контролировали варварские отряды под предводительством Одоакра, из племени скиров. Он низложил последнего императора западной части Римской империи Ромула Августула, но не возвел на трон нового, как поступали военачальники до него, а демонстративно отослал императорские инсигнии в Константинополь. Можно сказать, что это событие и было «падением» Римской империи, хотя современники уже не обратили на него особенного внимания. Лакомый кусок у разношерстного воинства Одоакра в 493 г. вырвал конунг Теодорих, выступавший во главе той части готов, которые в свое время подчинились гуннам (остготов). Он стал новым властителем Италии и претендовал на роль лидера и арбитра варварских королевств.

От Римской империи оставалось то, что современники продолжали обозначать этим именем, но мы сегодня называем Византией. Византийский император Юстиниан попытался силой вернуть империи Западное Средиземноморье. Успехи его полководцев Велисария и Нарсеса оказались столь же грандиозны, сколь и непрочны – в ожесточенной борьбе византийцы сокрушили королевства вандалов в Африке и готов в Италии, но все усилия пошли прахом буквально через несколько лет. Начиная с 568 г. большей частью Италии овладели новые варвары – лангобарды, но византийским императорам в это время было уже не до них. Они столкнулись с неразрешимыми трудностями на Востоке в борьбе с персами и затем с арабами. Авары, сменившие гуннов в роли хозяев европейских степей, и их союзники славяне жестоко опустошали Балканский полуостров. С грабительскими набегами и вражескими армиями в какой-то мере еще можно было совладать. Едва ли не худшим злом для византийских Балкан, изрядно обезлюдивших после вторжений VI в., оказалась славянская колонизация. Мирные разбойники просто приходили и селились во Фракии и Греции. Не склонные платить установленные в стране налоги и подчиняться властям, переселенцы стремились сохранять независимость. Таких неуправляемых насельников невозможно было по-настоящему ни победить, ни прогнать, ни научить жить по местным порядкам. Быть императором с таким народом – если не утопия, то точно наказание.

Такова событийная канва конца Римской империи и появления варварских королевств. Эти события, однако, трудны для интерпретации. Прежде всего необходимо уточнить, кто такие «варвары»? Само это понятие унаследовано нами от греко-римской античности, чьи писатели служат нам главным источником исторической информации, поэтому, ведя речь о «варварах», мы невольно попадаем в плен их представлений. В частности, это касается отношения «варваров» к «цивилизации», которому несправедливо приписывается характер неразрешимого антагонизма. Античные авторы изображают варваров «одетыми в шкуры», чего, по-видимому, никогда не бывало в действительности, иными словами, представляют их частью первобытной природы. Культура же Древнего Рима, напротив, являлась для римлян синонимом обуздания природных стихий. Следовательно, «нашествия варваров» мыслились не как противоборство разных культур, а как столкновение куль-

туры с первобытным хаосом, но это факт римской идеологии или, как говорят исследователи, «римского мифа».

Античное представление о «варварах» одновременно внушает нам ложное понимание этнической истории рассматриваемого периода. Связанные антитезой природы и культуры, древние авторы были вынуждены представлять «варварские народы» наподобие явлений стихии. В их глазах «варварские народы» построены на принципе биологического происхождения: они всерьез мыслятся в качестве коллективов близких и дальних родственников. Отсюда, по убеждению древних, людей одного народа, как родню, объединяют узнаваемые черты физического облика – телосложение, цвет волос и т.п. (ср. выражение Ницше: «белокурые бестии»). Будучи трезвомыслящими людьми, древние понимали, что их мир устроен совсем иначе: Римская империя соединила и превратила в римлян население всего Средиземноморья. Быть римлянином – социальный навык и правовое определение, иначе говоря, римлянами становятся, до цивилизации умственно и нравственно дорастают. Чужие «племена», напротив, как уже сказано, рисуются скорее частью природы, чем социальной жизни и истории. Кому не дано жить в цивилизованном обществе, тех заведомо не может сплотить ничего, кроме утробного животного зова крови.

В результате социальные проявления превратно трактуются как факты этнической истории. Так, любая группа «варваров» в глазах римлян обязательно является каким-либо «варварским народом» (она не может, к примеру, оказаться просто военным отрядом, составленным из людей разных этнических корней, и т.д.). Другое следствие – то, что «варварские народы» воспринимаются в качестве неизменных ячеек мироздания. В силу своих предубеждений римляне не допускали мысли, что «варварский народ» может сформироваться или измениться в переживаемых исторических обстоятельствах. Если народа не было, а потом он появился, значит, он переместился из неведомого пространства земли в известное. Отсюда возникает образ «эпохи переселения народов», утвердившийся в немецкой историографии XIX в.

Историческая наука в прошлом шла по стопам этих образов, не видя их идеологической подоплеки. В частности, к ним восходит понимание первобытного общества как периода господства «родоплеменных» отношений (т.е. буквально отношений биологического родства) над другими формами социальных связей. В марксизме «родовой строй» противопоставлялся «классовому» обществу и государству и рассматривался как первоначальная ступень в истории человечества. Варварский мир в предвзятой интерпретации античных писателей стал, таким образом, моделью для осмысления всех примитивных народов. Считая главным содержанием истории последовательную смену «общественно-экономических формаций», историки в Советском Союзе были вынуждены искать исторические доказательства разложения гипотетического «родового строя» «варваров» в начале Средневековья (А.И. Неусыхин и др.).

Историки XIX в. верили в то, что мы можем представить себе «древних германцев», разрушивших Римскую империю в V в., по описаниям Цезаря и Тацита, т.е. по текстам, составленным на заре ее существования. Сегодня исследователи точно знают, что подобный ход рассуждений ошибочен. К середине I тысячелетия нашей эры варварский мир изменился до неузнаваемости.

Влияние Римской империи на земли, лежавшие за ее границами по Рейну и Дунаю, оказалось необыкновенно мощным и разрушительным. Военная, политическая и культурная экспансия Рима ломала традиционный уклад жизни варварского мира, стирала его культурную самобытность. Волны этого разрушительного воздействия докатывались до его отдаленных окраин.

Выражением перемен стали масштабные процессы этнополитической консолидации. «Варварские народы», создавшие свои королевства на территории Римской империи, не являлись исконными германскими племенами. Это были новые, динамичные образования, построенные для войны и совпадающие с войском. Такие военизированные народы – дело рук военных олигархий и вождей. Присоединяя разрозненные группы искателей приключений и изгоев, ассимилируя разбитых врагов, новые племена слагались из разных людей, которые собирались вокруг относительно небольшого ядра и очень скоро начинали ощущать себя сопричастными этому ядру и его этнической традиции. Имя единого народа и есть средство организовать людей.

В качестве примера этнических процессов в середине I тысячелетия можно рассмотреть нашествие гуннов. Этнографические зарисовки латинских и греческих писателей откровенно тяготеют к зоологии. По словам одного, гуннов «можно принять за двуногих зверей» или «грубо обтесанные в виде человеческих фигур чурбаны». Если это и был «род людей», – продолжает другой, – то «только в том смысле, что гунны обнаруживали подобие человеческой речи». Их черные лица – «безобразные комки с дырами вместо глаз». Откуда они взялись? Ученые писатели античности отвечали на это так: «гунны были долго заключены в неприступных горах» или «жили по ту сторону Меотийских болот у Ледовитого океана».

Однако впечатляющая картина фантастических пришельцев плохо согласуется с другими историческими свидетельствами. Особенно любопытен рассказ греческого автора Приска, который участвовал в посольстве императора Феодосия к всесильному и грозному правителю гуннов Аттиле. Приск разговаривал с одним «гунном», который оказался бывшим греческим купцом; они поспорили о достоинствах и недостатках Римской империи. В стане гуннов, сообщает Приск, обретался римский аристократ Орест, будущий отец последнего римского императора Ромула Августа, замуж за Аттилу хотела выйти красавица Гонория, сестра императора Валентиниана: из династических соображений брат обрек ее на вечную девственность, измученная такой несправедливостью Гонория передала Аттиле перстень в знак их обручения и просьбу завоевать Италию и избавить себя от тирании брата. Приск рассказывает, как за столом Аттилы «смешивают латинскую, готскую и гуннскую речь». Он приводит одно слово «по-гуннски»: у них вместо вина пьют то, что они сами называют «мед». Всего латинские и греческие авторы записали два «гуннских» слова, и оба они безусловно славянские.

Имя Аттилы происходит из языка готов и значит «отец». Правда, историки не уверены, что «Аттила» – это имя, а не титул правителя гуннов, принимаемый за имя по ошибке. Германский героический эпос Средних веков явно не считает Аттилу чужим героем. В «Песни о Нибелунгах» Аттила выступает под именем истребителя бургундов Этцеля. Скандинавская «Эдда» помнит о нем как об Атли. О происхождении гуннов повествует готское предание, записанное через сто лет после крушения гуннской державы. Согласно этой легенде, готы прогнали от себя нескольких колдуний, и гунны произошли от

их соития со встреченными в пустыне нечистыми духами. Надо уловить оба смысла сказанного: гунны уподобляются нечистой силе, но в то же время они мыслятся как родственный народ.

Обозначение «гунны» – то же самое, что «хунну» или «сюнну», известные по китайским источникам. Хунну кочевали в степях Забайкалья и Монголии за семь веков до Аттилы. Для защиты от них началось строительство Великой Китайской стены. Ко II в. от бывшего могущества хунну не осталось и следа. Полностью разгромленные новыми кочевыми народами, хунну двинулись на Запад, увлекая за собой массу тюркоязычных племен Центральной Азии, ираноязычных кочевников Средней Азии, угроязычные и самодийские племена юга Западной Сибири и Приуралья. Их бегство превратилось в нашествие, втягивавшее в общее движение кочевых орд бесчисленные народы.

Костяк воинов, пришедших из Азии, легко присоединял к себе другие племена. Армия Аттилы в исторической битве на Каталаунских полях состояла едва ли не из одних германцев. Быстрая дезинтеграция гуннской державы, стремительное исчезновение самого имени гуннов последовали за первыми значительными неудачами и смертью вождя. Бывшие гунны оказались готами, скирами, ругиями, гепидами... Греческий эпитет, которым награждает гуннов Приск, означает «случайно сбежавшаяся толпа», «сброд». Гунны – не проблема Азии, пришедшая в Европу; прежде всего это проблема этнической истории Европы, в которой необозримые массы людей были готовы приобщаться к гуннам. Если бы не эти массы, ни о каких гуннах никто бы в Европе и не услышал.

Подлинная этническая история «эпохи переселения народов» – это история непрерывного изменения, радикального нарушения преемственности, политических и культурных зигзагов, замаскированных повторяющимся присвоением старых слов для определения новой реальности. Неудивительно, что в какой-то момент «готами» оказываются одновременно два разных «народов». У одних будет королевство в Испании и Галлии, у других – в Италии и Иллирике. Слова «варвары» и «варварские королевства» в историографии принято употреблять без кавычек на правах технических терминов, но это не должно заслонять всю условность и даже парадоксальность таких обозначений.

Завороженные величием Рима и грезя о богатствах средиземноморского Юга, варвары не помышляли о том, чтобы «разрушить» Римскую империю. Она служила для них готовым источником жизненных благ. Богатства можно было добыть не только грабежом, но и службой Риму. Варвары, завладевшие западными провинциями, мыслили себя и состояли солдатами на службе Римского государства. Отряды варваров оказывали ему неоценимую помощь в борьбе с другими варварами. Достаточно вспомнить, как в середине V в. они отразили истребительное нашествие тех же гуннов. Сознывая свою силу и роль, при этом они нередко действовали в собственных интересах. Рассказывая лодку политического кризиса, шантажом и насилием они стремились вознаградить себя самостоятельно.

Стратегия варваров не нацеливалась на захват и удержание политических центров империи – ее столиц. Варвары стремились получить в свои руки отдельные провинции. Чтобы понять смысл этих действий, надо понимать, какие ресурсы в Римской империи они могли и хотели присвоить. Этими ресурсами являлись прежде всего налоги. Римское государство отличалось от

современных государств, оно не опиралось на армию чиновников в собственном смысле слова, которых в Риме, по современным понятиям, насчитывалось ничтожно мало. Римская империя основывалась на перепоручении государственных прерогатив могущественным лицам, которые в таком случае выступали от имени государства. В частности, так собирались римские налоги. Другой особенностью римской системы налогообложения было максимальное соединение доходов с расходами. Иными словами, собранные налоги не везли за сотни и тысячи километров, а старались употребить на месте. Контингенты римской армии обычно получали содержание с тех территорий, где они были расквартированы. Навязывая себя империи в качестве ее солдат, варвары фактически делили между собой ее налогоплательщиков.

В этом отношении варварские королевства изначально представляли собой продолжение административных форм Римского государства. Существенно то, что пришельцы искали и находили общий язык с населением и правящим классом бывших римских провинций, воспринимая его опыт и получая поддержку. Военная сила варваров и власть их королей многими в римских провинциях воспринимались как благо или наименьшее зло. Известно всего несколько случаев противодействия варварам со стороны местных элит, видевших в их приходе угрозу своему положению. Образование варварских королевств можно сравнить с военными мятежами, молчаливо поддержанными местным населением.

К тому времени, когда германцы оказались хозяевами бывших провинций Римской империи, они уже не представляли самих себя вне политических категорий Древнего Рима. Во многих варварских королевствах элементы германской культуры не играют заметной роли. В этом плане славяне составляют разительный контраст. В отличие от того, что происходило на Западе, они не предпринимали попыток взять в свои руки и использовать существующий административный аппарат, а напротив, его игнорировали и стремились наладить собственную жизнь. Потому отношения славян и Византийской империи вылились в подлинный и неразрешимый культурный конфликт. Славянская колонизация Балкан лучше всего укладывается в хрестоматийный образ «переселения народов». Но если говорить о Западной Европе, похожая колонизация бывших римских земель, серьезно меняющая их этнический и культурный облик, имела место лишь на окраинах римского мира – в Восточной Англии и на Рейне. Парадоксальным образом ни королевства англосаксов и ютов в Британии, ни славянские государственные или протогосударственные образования не принято считать «варварскими королевствами».

Готов, лангобардов и многих других варваров отличала от римлян приверженность арианской ереси. Суть этого теологического расхождения заключалась в разной интерпретации Троицы. Начало обращению готов в христианство было положено в IV в. первым готским епископом Вульфилой. Это случилось в правление императора Валента, который сам придерживался арианства, которое являлось тогда в Римской империи признанной религией. Арианство готов, таким образом, изначально представляло собой историческую случайность. Однако готы не перешли в ортодоксальное христианство после осуждения ереси. Долгое время они предпочитали оставаться еретиками, видя в своем конфессиональном отличии от римлян выгоду и смысл. Их мотивы, очевидно, разделяли и другие варвары. По примеру готов многие из них также принимали христианство в форме арианства. То, что оно в конеч-

Украшение шлема Агилульфа. VII в. Музей Барджелло, Флоренция © 2011.
Photo Scala, Florence

ном итоге выступило формой самоопределения варваров, надо соотнести с их этнической историей. Люди, оказавшиеся у руля власти в варварских королевствах, судя по всему, чувствовали шаткость «этнической» границы между ними и другими людьми и искали новые возможности такую границу провести. Фрагменты сделанного Вульфилой перевода Библии на готский язык являются древнейшим памятником германских языков. Но готский язык быстро вышел из употребления. В начале VII в. о нем вспоминали в прошедшем времени.

Картина «нашествия варваров», разрушивших Римскую империю, давно стала частью европейской культуры. Видимо, она отвечает определенным идейным потребностям и стереотипам. С ней связаны прошлые и нынешние представления о Европе и цивилизации, об историческом вкладе народов и культур и «исторических правах», а также о ходе истории вообще. Историки оспаривают эту картину, считая ее грубой и неточной, мешающей пониманию подлинных исторических событий.

СУДЬБЫ ВАРВАРСКИХ КОРОЛЕВСТВ

Судьба «варварских королевств» сложилась по-разному. Королевство готов в Италии (или остготовов) изначально отличала подчеркнутая близость к римским традициям. Официальная идеология превозносила гармонию и пользу сосуществования римлян и готов, соединившихся в одном государстве. Тем не менее конец правления короля Теодориха был ознамено-

ван репрессиями в отношении высокопоставленных римлян. После смерти Теодориха в 526 г. власть отошла к его малолетнему внуку, а фактической правительницей оказалась дочь Теодориха Амаласунта. В конечном итоге это спровоцировало глубокий политический кризис, подтолкнувший Византийскую империю к попытке возвращения Италии силой. Начавшаяся в 533 г. война с готами оказалась затяжной. Страшным врагом византийских полководцев стал легендарный король Тотила, сумевший вновь сплотить готов. Тотила потерпел поражение и погиб в 553 г. Но остатки отрядов готов оказывали сопротивление еще два или три года.

Война причинила Италии неслыханные опустошения, к тому же с 568 г. в нее, едва отвоеванную греками, вторгаются лангобарды. Они оккупировали северную и центральную части страны, образовав Лангобардское королевство и два независимых герцогства с центрами в Сполето и Беневенте. В руках византийцев, опиравшихся на крепости и флот, помимо Южной Италии оставались приморские анклавы, включая Рим и Равенну с полоской земли между ними. В письменной традиции лангобарды, романизированные меньше других варваров, запомнились своим жестоким обращением с местным населением. Но точны ли эти сведения, не ясно. Не столько войны и гонения, сколько общие тенденции эпохи вели страну к упрощению жизни, исчезновению того, что мы отождествляем с античностью. Варварские королевства стали нащупыванием нового порядка вещей, в котором ненужное отпало и переродилось. Иллюстрацией такого естественного и необходимого перерождения может служить церковь Космы и Дамиана в Риме, устроенная в это время в приемной зале городского префекта.

Еще одно королевство варваров, также называвших себя готами (для различия историки называют их вестготами), первоначально стало складываться в Аквитании. Этот период его существования еще именуют «Тулузским королевством». В начале VI в., не выдержав натиска франков, вестготы были вынуждены уступить им почти все территории, которыми они владели в Галлии. Тем не менее их королевство сумело пережить политический кризис и возродиться за Пиренеями на землях Испании.

До середины VI в. вестготским королям в Испании приходилось постоянно воевать для сохранения или расширения земель, где признавали их власть. Они обороняли рубежи вестготского королевства на севере против франков, стремившихся занять Септиманию, на юге – против византийцев, которые в правление Юстиниана отвоевали значительную часть провинции Бетика. Правление короля Леовигильда стало временем резкого усиления королевской власти, взявшей курс на создание сильного и самостоятельного государства без оглядки на Византию с такими новыми атрибутами, как трон и корона, изданием нового свода законов и другими мерами. Новая политическая линия сплочения всех сил делала устарелым и неуместным старое конфессиональное размежевание римлян и «варваров». В этой связи финальную точку в череде необходимых политических преобразований, начатых Леовигильдом, поставил его сын и преемник на троне Рекаред. В 589 г. он оставил арианство и перешел в католическую веру. Важнейшим политическим институтом в готской Испании стали Толедские соборы, превратившиеся с конца VI в. из конклава церковных иерархов в собрание мрян и духовенства, наделенных властью, где решались самые разнообразные

вопросы управления. Все это увенчалось действительным сплочением готов и римлян. Исидор Севильский в начале VII в. воспекает королей вестготов как «славу Испании». В его времена страна переживает подлинное культурное возрождение, особенно явное и впечатляющее на фоне полного упадка латинской литературной традиции в самой Италии.

С именем франкского короля Хлодвиг (ок. 466–511) связаны два события, имевшие кардинальные последствия для политической и религиозной истории европейского Средневековья. Во-первых, это возникновение Франкского королевства; объединив три четверти Галлии, оно не только стало новым мощным центром политической силы, но в отличие от других варварских королевств, получило прямое продолжение в политической истории Запада. Вторым событием стало начало обращения франков в католическую веру; это происходит в обход распространенного среди германцев арианства и в нарушение принципа конфессионального размежевания римлян и варваров как функциональной особенности варварской государственности.

Известия о Хлодвиге по преимуществу восходят к единственному и более позднему источнику, каким являются «Истории» Григория Турского (2-я книга, составлена между 576 и 580 гг.). Рассказ Григория признается в основном достоверным с двумя существенными оговорками, а именно, он лишен удовлетворительной хронологии и отмечен содержательными искажениями, характеризующими политическое и символическое значение завоевания Галлии и крещения Хлодвиг десятилетия спустя. Сын короля Хильдерика, потомок (внук?) полулегендарного Меровея, давшего имя династии Меровингов, в момент прихода к власти ок. 481 г. Хлодвиг контролировал территорию между р. Соммой и Нижним Рейном. Победа над римским правителем Сиагрием ок. 486 г. позволила Хлодвигу распространить свою власть до Луары. Столкновение с вестготским Тулузским королевством окончилось его победой при Вуйе (или скорее при Вулоне) под Пуатье в 507 г. и присоединением большей части Аквитании.

Хлодвиг был крещен епископом Ремигием Реймским; разные исследователи относят это событие ко времени между 496 и 508 гг. с вытекающей отсюда спорной интерпретацией ключевых шагов царствования. Прежде всего это касается военной конфронтации с готами в 507 г. Григорий Турский описывает данное событие после крещения и изображает как своеобразный крестовый поход за освобождение угнетенных арианами католиков. На это можно заметить, что ни о каких межконфессиональных конфликтах и гонениях на католиков в готской Аквитании накануне войны нам ничего не известно и что она, напротив, прекрасно укладывается в рамки предшествующей франкской экспансии. Мало того, по всей вероятности, до крещения в католичество в ближайшем окружении и среди родни Хлодвиг было распространено арианство.

В качестве решающих обстоятельств обращения Хлодвиг Григорий называет влияние его жены-католички королевы Хродехильды, а также некую битву с аламаннами: якобы Хлодвиг, подобно императору Константину, поклялся уверовать в «Бога Хродехильды» в случае своего военного успеха. Таким образом, Григорий Турский представляет Хлодвиг «новым Константином». Не в пользу этого, видимо, несколько упрощенного и стилизованного объяснения говорят известные нам по другим текстам давние и тесные

связи возникающей франкской династии со св. Ремигием и св. Женевьевой Парижской, завязанные еще отцом Хлодвига королем Хильдериком. Очевидно, Хлодвиг избирает Париж столицей своего королевства не в последнюю очередь как место погребения св. Женеьевы (ум. ок. 502). На ее могиле в качестве династической усыпальницы Хлодвиг возводит церковь св. Апостолов (впоследствии Сент-Женеьев), где и будет похоронен.

Франкское государство отличал особый порядок наследования верховной власти, которая делилась между королевскими сыновьями. Каждый из них получал в удел свое королевство. Представление о единстве франкских земель при этом сохранялось, и иногда на время они снова собирались в одних руках. В результате таких наследственных разделов складываются исторические области Австрия, Нейстрия и Бургундия, в которых в конце концов возникает своя правящая аристократия и система управления во главе с майордомами. Королевская власть естественно оказывается в зависимости от той среды, которую вокруг себя создает. Местные силы выходят на первый план при малолетних правителях, которых среди Меровингов было немало, сильные же правители, подобные королю Дагоберту I в VII в., умели заткнуть их за пояс. Старые земли франков, расположенные между Рейном и Сеной, имеют для Меровингов особую символическую ценность. Применительно к ним впервые появилось определение «Франция». Западные, центральные и южные области страны, напротив, являлись политической периферией Франкского государства, где временами доходило до того, что складывались автономные или независимые политические образования.

Главным источником сведений о ранней истории Англии до недавних пор оставалось сочинение английского историка начала VIII в. Беды Достопочтенного. Он сообщает о завоевании Британии тремя германскими племенами, основавшими несколько королевств: юты создали королевство Кент, саксы – Уэссекс, Эссекс и Сассекс, англ – Нортумбрию, Мерсию и Восточную Англию. Коренные кельтские жители острова, бритты, были оттеснены на запад, в будущий Уэльс, или переправились на континент в Арморик, которая с тех пор стала называться Бретанью.

Современные исследователи склоняются к мысли, что такая картина скорее отражает представления об истории завоевания острова, которые существовали в Англии во времена Беды Достопочтенного. Она не находит полного подтверждения в данных археологии, которые рисуют иную картину. Там, где раньше видели «переселение народов», сегодня узнают сложные процессы этногенеза. Многие полагают, что бритты в своем большинстве были не столько вытеснены со своих земель, сколько ассимилированы. Под властью варваров в Британии исчезают города и вместе с ними римская культура и христианство. В отличие от других регионов германцы смогли навязать здесь свой язык и материальную культуру. Настоящая германская колонизация имела место на востоке и юге острова. Представление о трех народах англов, саксов и ютов кажется поздним обобщением. Если верить археологии, между проникающими на остров «варварами» не существовало никаких заметных культурных различий.

Одним из путей самоопределения варварских королевств было составление законов. По примеру «Русской правды» отечественные историки называют их «варварскими правдами», что не совсем корректно, хотя бы потому,

что это очень разные тексты. Древнейшие законы, изданные в варварских королевствах, как-то кодексы остготов, вестготов и бургундов, в основном укладываются в римскую правовую традицию, являясь ее прямым продолжением. Законы франков – знаменитая «Салическая правда», напротив, выглядят и в какой-то мере являются записью обычного права. Законодательные памятники варварских королевств обычно составлялись на латыни, а в королевствах Англии для этих целей изначально использовался древнеанглийский. Особенностью запечатленной в них правовой культуры исследователи называют ее казуистичность. По сравнению с римским правом частное и случайное в ней превалирует над общими положениями и принципами. Это можно трактовать как еще одно свидетельство культурного регресса, который, конечно, имел место. Но одновременно стоит увидеть в этом факте приближение к жизни в ее неповторимости, переживание того, что жизнь не умещается в отвлеченные формулы.

Истории экономики исследователи традиционно отводят особую роль. Действительно, это та сфера, где возникают и распределяются ресурсы, а также складываются отношения между людьми. Потому в некотором отношении она, конечно, определяет лицо общества. В этой связи марксистская теория оперирует понятием «общественно-экономических формаций», однако понимает под ними не просто разные формы жизни, а последовательные этапы в истории человечества. Историки-марксисты рассматривали Древность и Средние века как периоды господства рабовладельческой и феодальной «формаций». Следовательно, их интерес к рубежу эпох заключался в отыскании исторических доказательств кризиса античного рабства, с одной стороны, и генезиса феодализма – с другой. Однако же исторические данные плохо укладываются в эту схему. Возникает впечатление, что с началом Средневековья рабов стало даже больше, чем в Римской империи; во всяком случае, рабство этого времени лучше документировано. Так, в законах Вестготского королевства рабы упомянуты в 46% статей (против 26% в своде римского права «Дигестах»). При этом рабство никак не «смягчилось» по сути. С другой стороны, нынешние историки с недоверием смотрят на попытки отыскания в таком глубоком прошлом истоков средневековых обществ. В частности, крестьянско-сеньориальные отношения в Средние века кажутся явлением своего времени и вряд ли могли возникнуть раньше. Сопоставление их с историческими фактами многовековой давности ничего не прибавляет к их пониманию.

По мнению современных исследователей, конец Римской империи не имел подоплекой и не повлек за собой никакой социальной революции. На отдельных примерах мы знаем, как в V в. рушились жизни и состояния. Такова история сенатора Павлина из Бордо, внука поэта Авсония. Его огромные богатства оказались расхищены. Вместе с тем, немало исторических свидетельств говорит о том, что другие галльские сенаторы под властью варваров сохранили свои богатства и общественное положение.

К установленным фактам, очевидно, можно отнести некоторые вехи истории дальней морской торговли в Средиземноморье. Торговый обмен, связывавший берега Средиземноморья в древности, не пресекся с концом Западной Римской империи в V в., а продолжился еще, как минимум, два столетия. Более того, экспортные потоки на Запад из Восточного Средизем-

номорья приобрели значительный масштаб вообще только в конце V в. Это неожиданное явление связывают с экономическим подъемом Ближнего Востока в это время. Таким образом, варварские королевства Запада оставались интегрированными в средиземноморскую экономику и в этом смысле являлись продолжением античного мира.

О направлениях экспорта можно судить по материалам керамики – разбитым амфорам, в которых в древности перевозили не только вино и оливковое масло, но и фрукты, рыбный соус и другие товары. Археологи научились распознавать большинство древних амфор по месту происхождения. Счастливую возможность проникнуть в историю торгового обращения раннего Средневековья открывают находки в римском памятнике, известном под именем «Crypta Balbi». В нем были раскопаны две мусорные ямы, вероятно, принадлежавшие одному из римских монастырей. В первой яме, которая по нумизматике датируется концом VII в., встречается большое количество привозных амфор: чуть больше 60% идентифицированных амфор изготовлено на территории современного Туниса; около 25% привезено из Восточного Средиземноморья, главным образом из Леванта; 12% экспорта – итальянского происхождения, это амфоры юга Италии и Сицилии. (Роль итальянской торговли в процентном выражении, наверное, выше, так как археологи относят к югу Италии значительную часть другой найденной керамики – посуды и светильников.) Вторая яма, датированная началом VIII века, демонстрирует разительные отличия. Экспорт из Африки и Восточного Средиземноморья решительно пресекается и остается чисто итальянским. По всей видимости, изменение ареала торговли связано с арабскими завоеваниями, трансформировавшими бывшее единство Средиземноморья. Доля амфор среди керамики падает с почти половины до четверти. Эта картина подкрепляется другими данными. Особенно существенны раскопки Марселя, главного средиземноморского порта Франкского государства в правление Меровингов. Они свидетельствуют, что продовольственный экспорт из Северной Африки продолжается еще во второй половине VII в. При этом ввоз из Восточного Средиземноморья, довольно активный в конце VI и начале VII в., сходит на нет в следующие десятилетия.

Свертывание торговых обменов в Западном Средиземноморье совершается неравномерно, на разных направлениях и для разных потребителей по-разному и на заключительном этапе особенно тесно увязано с историей политической власти и политических возможностей. Так, продолжение ввоза продовольствия в некоторые прибрежные районы Италии, остававшиеся под контролем Византии, можно понять как вынужденную меру снабжения военных гарнизонов, отрезанных от внутренних районов страны, где властвовали лангобарды. В случае с Crypta Balbi, очевидно, надо принять во внимание то, что мы имеем дело с импортом крупного церковного учреждения. Действительно, церкви удавалось организовывать централизованные поставки, когда другие формы обмена пропадали. Потому все датировки лучше принимать как условные ориентиры.

В спросе на привозные товары угадываются культурные стереотипы, которые связывают мир варварских королевств с античной культурой. В это время еще принято писать на папирусе, а не на пергамене, освещать церкви масляными лампами, а не восковыми свечами, пить заморские вина. Грани-

цу между Древностью и Средними веками стоит искать в том числе в такой неожиданной сфере, как история вкусов.

Важные сведения о политической и экономической истории варварских королевств дает нумизматика. В Римской империи начала V в. чеканили золотые, серебряные и бронзовые монеты. Варварские королевства сохранили золотую чеканку. Их монеты долгое время выпускались не от имени варварских королей, а были подражанием монетам византийских императоров. Очевидно, эта практика отражала понимание новыми правителями своего места в политической системе Средиземноморья. Первыми отказались от нее в конце VI в. вестготы и франки, начав изображать на монетах своих королей, лангобарды последними – век спустя. Золото в этот период стоило дороже, чем в наши дни. Так, например, в 452 г. в Риме за один солид можно было приобрести 90 кг свинины. Естественно, что в силу своей высокой стоимости золотые солиды и тремиссы (монета, равная трети солида), чеканившиеся в варварских королевствах, не могли в должной мере служить торговому обращению. Потому появление в VII в. на Западе серебряной монеты исследователи рассматривают как шаг навстречу экономическим потребностям общества. К началу VIII в. в Западной Европе чеканили только серебряную монету. Серебро стало основой денежной системы в Средние века. Запад вернется к чеканке золота лишь в XIII в.

ЦЕРКОВЬ, ЕРЕСИ И КУЛЬТУРА РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ЗАПАДА

С концом Римской империи христианство на время отступило из Англии и Германии. В Галлии, Италии и Испании церковная организация сохранилась. Неожиданным приобретением христианской церкви стала Ирландия, где, впрочем, она развивалась в не совсем обычных формах. Главным церковным институтом на континенте оставался епископат. В силу авторитета церкви и ее святых епископы фактически оказались во главе местного управления. Не всегда находя для себя места возле новых правителей, магнаты римского происхождения охотно становились епископами. Обладание епископскими кафедрами стало новой социальной стратегией старых сенаторских семей. Так, семье епископа Григория Турского в VI в. систематически удавалось добиваться избрания своих родственников епископами Клермона, Тура, Лиона и других городов. Церковь была поделена между варварскими королевствами и находилась под их опекой. В утверждении епископов за королями оставалось последнее слово. Церковная и королевская казна, по выражению современной исследовательницы, действовала как «сообщающиеся сосуды». Апофеозом слияния церкви и государства стали уже упомянутые Толедские церковные соборы в готской Испании VII в. Они созывались для решения главных государственных вопросов.

Папы римские, остававшиеся под властью византийских императоров, не имели влияния на церковную жизнь варварских королевств. Один курьезный факт: о том, что готы в Испании в 589 г. отказались от арианской ереси, в Риме случайно узнали через несколько лет. Зато римские папы принимали живое участие в деле распространения христианства на землях «язычников». Так, новая христианизация Англии в конце VI в. была инициирована папой Григорием Великим.

История монашества в Западной Европе началась с опозданием. Вдохновляясь примером анахоретов Сирии и Египта, в V в. влиятельные монастыри возникают на юге-востоке Галлии. Начав с подражания, западное монашество быстро создало новые формы монашеской жизни. На Востоке монашество было скорее движением, чем институтом, в Европе же оно приобрело строгие организационные формы и стало важной общественной силой. Около 530 г. для монастыря Монтекассино близ Неаполя Бенедикт Нурсийский составил монастырский устав, получивший затем широкое распространение. Особая форма монашества сложилась в Ирландии. Там монастыри оказались влиятельнее епископов. Аббаты являлись фактическими лидерами церковных диоцезов, а на должность епископа назначался один из монахов. Монастырские уставы в ирландском монашестве не играли заметной роли, а заменялись живым примером. Идея монашеской жизни соединялась у ирландцев с идеей паломничества во имя Христа. Такие паломничества зачастую не были движением к конкретной цели, а осмыслялись как особая аскетическая практика, род христианского подвижничества. Ирландские монахи, в частности св. Колумбан, активно действовали на континенте, вдохнув в монашеское движение новую жизнь. Появление ирландских монахов в Галлии и других странах в то же время вылилось в конфликт с бенедиктинским монашеством. Он разворачивался вокруг животрепещущего вопроса о подчинении монастырей верховной власти епископа, за что ратовала бенедиктинская традиция. Короли и магнаты завязывали с монастырями особые отношения. Первые видели в них противовес епископам и своего верного союзника. Вторые использовали монастыри в своих семейных интересах как место памяти о покойных представителях рода и молитвенного заступничества. Энтузиазм христианских подвижников спасал церковь от внутреннего разложения. Кричащей проблемой церкви в VI–VII вв. становился упадок церковной дисциплины, отход от установленных норм церковной жизни. Дело усугублялось тем, что в большинстве регионов церковные соборы не собирались.

Церковные приходы в это время только возникают. В деревне продолжали практиковаться нехристианские обряды, которые церковь третировала как «язычество». Некоторые пастыри кажутся этим озабоченными, но далеко не все. Примером активной пастырской деятельности епископа в VI в. являются проповеди Цезария Арльского, которых сохранилось свыше двухсот. Впрочем, из их содержания следует, что даже такой заинтересованный епископ не собирается посвящать паству в тонкости христианского учения, а требует формального соблюдения немногих обрядов и норм и признания своей пастырской власти. Неглубокий и формальный характер христианизации в начале Средних веков некоторые историки относят на счет трудности распространения христианского учения, которое осуществлялось в условиях культурного конфликта между миром ученой и «народной» культуры. В этот же период укрепляется культ святых, в особенности почитание святых мощей, а также уходит в прошлое характерное для Античности отторжение «города мертвых» от поселения живых. Могилы устраивают прямо в церквах, вблизи святых реликвий. Это явилось результатом сложного взаимодействия культурных традиций. Возможно, это только одна сторона дела. Скорее всего церковь в своем общении с паствой просто не желала поднимать серьезные вопросы. Знание деталей христианской доктрины она оставляла

за собой. В целом христианство в начале Средневековья стоит понимать не как «переходный этап» к его, так сказать, более глубокой форме, требующей времени – оно было таким, потому что многих устраивало.

В период варварских королевств налаживаются некоторые формы религиозной жизни, которые определяют лицо христианства с тех пор. В частности, это касается практики покаяния. В древней церкви исповедь и покаяние в грехах были публичными. Покаяние предполагало временное исключение из общины верующих. Эти практики были слишком тяжелы для исполнения. В Испании VII в. их называли причиной волны самоубийств. Они вступали в противоречия с нормами социальной жизни и были заменены частной исповедью и тайным покаянием.

Первый большой теологический спор в Западной церкви касался христианской антропологии и учения о благодати. Камнем преткновения сначала явилась вероучительная деятельность Пелагия, который проповедовал в Риме в конце IV – начале V в. Пелагий стремился отстоять аскетический идеал христианства. По его мнению, подлинное следование Христу и тем самым надежда на спасение – удел тех, кто способен на подвиг безупречной нравственной жизни. Все другие христианские представления были подчинены этому. Проповедь Пелагия были призвана «растолковать, на какое благо способна человеческая природа», «раскрыть ее скрытые богатства». Согласно проповеднику, человек питает естественную склонность к добру и наделен душевной способностью самостоятельного и ответственного выбора между добром и злом – свободой воли «быть тем, чем он захочет». Благая природа человека, по мысли Пелагия, не была уничтожена грехопадением. В греховности люди скорее *похожи* на Адама и Еву, нежели *унаследовали* их грех. Они «долго выучивались злу, не приобретая никакой привычки к добру».

Взгляды Пелагия, рискованно развивавшие христианскую мысль, встретили организованное противодействие в лице лидеров африканской церкви, которые добились осуждения пелагианства как еретического учения. Вместо традиционного представления о церкви как сообществе праведных епископ Гиппона Августин предложил идею двух церквей – земной и небесной. По Августину, земная церковь неизбежно состоит из грешников. Это отвечает природе человека, которого после грехопадения его прародителей может поведи к добру только Господь Бог. Церковь должна принять в свое лоно людей такими, какие они есть. Мечта видеть их поголовными праведниками не просто утопия. Она ведет к церковному расколу и хуже того – к ереси отрицания роли провидения, участия Бога в земных делах и божественной благодати, нисходящей на христиан.

Теологические позиции, занятые Августином в споре с Пелагием и его последователями, вызвали новый виток полемики. Суждения Августина о предопределении и благодати расценивались некоторыми в качестве проповеди пассивности и фатализма. Его отдельные формулировки можно было понять даже так, что Бог способен отталкивать от себя людей, совершающих добрые дела, и побуждать их ко злу. Нарастающее недовольство Августином вылилось в выступление Иоанна Кассиана, духовного лидера монастырей Марселя и Лерена. В частности, Кассиан утверждал, что первый шаг по дороге добра человек способен сделать самостоятельно и благодать не может не воследовать. Ответ почитателей Августина во главе с обосновавшимся при пап-

ской канцелярии Проспером Аквитанским обнаружил всю меру пристрастности и намерение уличить оппонента в скрытой ереси. Стараниями Цезария Арльского конец спору кладут постановления церковного собора в Оранже в 529 г. Собор отверг идею предопределения ко злу и, не осудив никого поименно, последовал за Августином в строгом утверждении первенствующей и основополагающей роли благодати в обретении веры и свершении добрых дел. Этот теологический вопрос оказался для Католической церкви миной замедленного действия. В эпоху Реформации он разрушит единство Запада.

Проблема отношения античной культуры и христианства возникла в Римской империи. Литературная деятельность в античности была рафинированным искусством и подчинялась жестким правилам теории стилей. Высокий стиль, которым полагалось говорить о богах, подразумевал исключение всего повседневного и низкого. Героями Евангелий, напротив, выступали мытари и блудницы. Повседневная жизнь, низкая доля, непритязательная речь не укладывались в представления о возвышенном. В античной литературе что-то подобное если вообще могло быть представлено, то только в низком жанре комедии. Для людей, воспитанных на античной литературе, Библия была прежде всего грубым попранием литературных норм. Чтение ее поначалу отвратило от христианства самого Августина. «Моя кичливость не мирилась с ее простотой», – вспоминал он в своей «Исповеди». Иероним, переводчик Библии на латинский язык, удалившись в пустыню, взял с собой свою библиотеку. Он рассказывает, что во сне ему явился Христос со словами: «Ты не христианин, а цицеронианин». Но те же самые люди в конечном счете повернули историю литературы, придав ей новое направление. Задумываясь над формой христианского образования, христианские писатели приходили к выводу, что литературные формы древности совершенно для этого не годились. Обращаясь к пастве, требовалось говорить простым и понятным языком, касаясь вопросов, которые волнуют простого человека.

С конца V в. публичные школы одна за другой исчезают. Епископские и монастырские школы, служившие подготовке клириков, а также традиции домашнего образования, которые существовали в среде римской аристократии с глубокой древности, могли заменить их лишь отчасти. Первым пропало знание греческого языка. Двуязычие образованных людей Средиземноморья осталось в прошлом. Связь греческой и латинской культур оказалась разорвана.

Разные люди смотрели на это по-разному. Для одних наследие Античности являлось почти тем же самым, что и язычество. Такие церковные авторитеты, как Цезарий Арльский и Григорий Великий, считали за благо для клириков не увлекаться чтением «языческой» литературы. Но встречались и другие, кинувшиеся спасать остатки гибнущей культуры. В VI в. римский аристократ Боэций задался целью перевести на латинский язык сочинения Аристотеля. Этому грандиозному замыслу не было суждено осуществиться – на Боэция пали подозрения в измене правившим в Италии готам. Находясь в застенке, он написал знаменитое «Утешение философией». В этом сочинении нет следа христианства. Из сочинений Аристотеля Боэций успел закончить перевод его трудов по логике. В результате Аристотель-логик господствовал в интеллектуальной традиции средневекового Запада. Так продолжалось до XII в., когда стали появляться его переводы с арабского. С именами Боэция и Кассиодора связано складывание канона «семи свобод-

НОВЫЕ МИРОВЫЕ ДЕРЖАВЫ: ИМПЕРИИ, КАГАНАТЫ, ХАЛИФАТЫ

ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА ВРЕМЕН КАРОЛИНГСКОЙ ИМПЕРИИ

В политической истории Западной Европы раннего Средневековья можно выделить два больших этапа: период варварских королевств и период Каролингской империи. «Варварские королевства» возникают на землях бывшей Римской империи с V в. Как уже говорилось выше, одни из них исчезли уже в VI в., другие – вестготов в Испании и лангобардов в Италии – просуществовали до VIII в. и оставили заметный след в истории этих регионов, но также погибли. Исключение составляет Франкское государство, оно не только продолжило свое существование, но сумело обрести второе дыхание и превратиться в новую европейскую империю.

ФРАНКСКОЕ КОРОЛЕВСТВО: ОТ МЕРОВИНГОВ К КАРОЛИНГАМ

Подъем Франкского государства связан с утверждением новой правящей династии Каролингов, сменившей «впавших в ничтожество» Меровингов. Каролингская историография навязывает «черную легенду» о последних королях из рода Меровингов, изображая их плохими правителями, не справившимися с задачей политического управления и утратившими реальную власть. Соответственно, воцарение Каролингов представлено восстановлением полноценной государственной власти («Старшие Мецкие анналы», ок. 806 г.; «Жизнь Карла Великого» Эйнгарда, ок. 830 г.). Резюмируя эту концепцию, в XVI в. поэт Ронсар назовет последних Меровингов «ленивыми королями».

Но, по мнению современных историков, такое объяснение является упрощением и служит обоснованием осуждения низложенной династии. Само существование такой идеологической задачи доказывает, что правление меровингских королей многим в государстве франков представлялось законным и необходимым. Говоря о «безвластии» последних Меровингов, мы должны подразумевать не некий политический кризис и развал государства, а вполне традиционную и устойчивую форму государственного управления, которую Каролинги смогли изменить.

Королевство Меровингов в конце VII в. распадалось на отдельные территории. Реальной политической силой в них выступали локальные правящие

элиты, группировавшиеся вокруг местных лидеров. Правление меровингских королей придавало их положению ореол законности. В Нейстрии (район Сены и Уазы) и Австразии (междуречье Мааса и Рейна) – основных землях франков, реальная власть находилась в руках майордомов, которые формально являлись должностными лицами франкских королей, на деле вождями знати своих областей. Борьба Нейстрии и Австразии в 687 г. окончилась победой майордома Австразии Пипина Геристальского. Он стал самым влиятельным лицом на севере королевства. Его потомки сумели сохранить и упрочить свое политическое лидерство. Во времена его правнука Карла Великого возвышение Пипина Геристальского начали изображать началом правления Каролингов. Современные историки, напротив, подчеркивают, что его политическое влияние всего лишь продолжает традиции государства Меровингов. Пипин Геристальский крепко держал в своих руках Австразию, но в Нейстрии и Бургундии его позиции были существенно слабее. В обширной Аквитании мятежный герцог Луп стремился основать собственное королевство. Правители Прованса признавали власть меровингских королей, но демонстрировали свою независимость от Каролингов. Примером политического поведения магнатов на рубеже VII–VIII вв. может служить воинственный епископ Саварик Осерский. Он захватил несколько городов и после своей смерти оставил свою кафедру мирянину, который только «назывался епископом».

Настоящие перемены во Франкском государстве происходят при сыне и внуке Пипина Геристальского – Карле Мартелле и Пипине Коротком. Майордом Карл (715–741) запомнился как воитель: данное ему в IX в. прозвище Мартелл означает «Молот». По сравнению с относительно мирным VII в. военная активность во Франкском государстве стала новым явлением. При Карле Мартелле военные походы предпринимались ежегодно, имея двоякие последствия. Путем ожесточенных войн Карл Мартелл сумел утвердить свою власть на большей части королевства, но настоящим правителем франков его сделало сплочение правящего класса, которое было косвенным следствием его войн и побед. Политическое лидерство Каролингов, изменившее Франкское государство, может быть описано в терминах согласия и мобилизации. Оно возникает как эффект совместного действия, стягивающего в орбиту влияния Каролингов всю военную силу франков. Войны превратились в главный инструмент политической централизации каролингской державы. Это подразумевало ограничение самостоятельности магнатов, в случае сопротивления их ресурсы конфисковывались и передавались в другие руки. Можно сказать, что такая политика не затрагивала социальный строй, но меняла поведение правящего класса. Отныне социальный успех достигался службой новым властителям и участием в их войнах. Военная мобилизация превратила франков в главную военную силу в Западной Европе и сделала возможными масштабные завоевания Каролингов. Вместе с тем, она же предполагала неустойчивость франкского могущества. Франкское государство оставалось в силе, пока во главе него стояли авторитетные лидеры, способные одерживать военные победы.

Некоторые историки XIX–XX вв. задавались вопросом, нельзя ли применительно к каролингскому времени говорить о наступлении «феодализма», т.е. особой правовой системы «феодальных институтов». Однако большинство современных исследователей считают сегодня сред-

невековое феодальное право продуктом политической истории и юридической мысли позднего Средневековья и поэтому, с их точки зрения, от политических и юридических представлений, существовавших к началу XIV в., мало пользы при рассмотрении западноевропейских обществ пятью столетиями раньше.

В текстах каролингского времени часто говорится о «вассалах». Это кельтское слово примерно значит «свой человек», «слуга» и указывает на особые отношения личной преданности и службы. Исследователи справедливо отмечают близость этого социального явления к традициям дружинного быта древности. Несомненно, Каролинги проявляли заинтересованность в увеличении количества своих «вассалов». Вместе с тем, было бы ошибкой утверждать, что такие личные связи отменяли государство. Обязанности службы и верности своему правителю носили публичный характер и касались всех подданных. При Каролингах существовала практика земельных пожалований – бенефициев воинам на их содержание, но не в «полную собственность». В частности, известно, что Карл Мартелл для размещения своих солдат использовал таким образом земли церкви. Однако такая форма «условного» землевладения отнюдь не стала преобладающей для военной и правящей элиты. Возможно, форма бенефиция возникла в результате компромисса с церковными учреждениями, не желавшими до конца отказаться от своих владельческих прав. На держателях бенефициев лежала обязанность военной службы, которая ничем не отличалась от службы лиц, имевших такое же количество земли в «полной собственности». Наконец, нельзя с уверенностью утверждать, что «вассалитет» и земельные пожалования в форме «бенефициев» были связаны между собой. «Вассалы» как владельцы «бенефициев» упоминаются редко.

Германские земли к востоку от государства франков служили объектом одновременно завоеваний Каролингов и активной христианской миссии, во главе которой стояли англосаксонские миссионеры, отсюда тесное взаимодействие двух сил. Пользуясь покровительством Каролингов, Виллиброрд (ум. 739 г.) христианизировал Фризию, его последователь Бонифаций (ум. 754 г.) с успехом возглавлял дело обращения «язычников» за Рейном и прославился как «апостол Германии». Миссионерская и церковная деятельность в Германии проходила под эгидой римских пап и привела к созданию централизованной церковной организации, основанной на сети епископств и монастырей. Связь христианизации и политического подчинения Франкскому государству представлялась для всех очевидной. Обращение в христианство являлось формой разрыва с прошлым и отказа от политической самостоятельности. Об этом говорит следующее агиографическое предание: вождь фризов Радбод, собираясь креститься, якобы спросил Виллиброрда, где находятся души его предков. Получив ответ, что они в аду, Радбод заявил, что желает быть на том свете вместе со своими сородичами, и отказался переходить в христианство.

Важным аспектом каролингской политики явилась реформа церкви, потребность в которой иллюстрирует, в частности, упомянутая история епископа Саварика. Церковь нуждалась в восстановлении правильных церковных институтов, в том числе епископата. Главными деятелями церковной реформы в королевстве франков также выступили англосаксонские миссио-

неры. По инициативе Бонифация в 40-х годах VIII в. возобновляется практика церковных соборов, которые не собирались, видимо, с конца VII в.

На фоне военно-политических успехов фактической власти Каролингов правление меровингских королей становилось анахронизмом. Когда в 736 г. умер король Теодорих IV, Карл Мартелл предпочел оставить трон вакантным. Завещание Аббона, правителя Прованса, составленное в 739 г., датировано «двадцать первым годом с тех пор, как Карл правит королевством франков». Но после смерти Карла Мартелла его дети и наследники Карломан (741–747) и Пипин Короткий (741–768), чувствуя себя не столь уверенно, все же поставили королем Меровинга Хильдерика III (743–751). Карломан вскоре отказался от власти и удалился в монастырь: сначала в окрестности Рима, а затем в Монтекассино в Италии.

Рим в это время формально подчинялся Византийской империи. Приезд Констанция II в 663 г. явился последним посещением Рима византийским императором. Вместо того чтобы украсить город, Констанций организовал вывоз римских статуй. Но Рим оставался важным церковным центром, а фактическое управление городом перешло в руки римских пап. Серьезным испытанием для отношений Рима и Константинополя стал догматический вопрос почитания икон. С 726 г. византийский император Лев III начал борьбу с фигуративными изображениями в христианском искусстве, а в 731 г. запретил их. Римские папы выступили в рядах противников иконоборчества. Столкнувшись с угрозой захвата Рима лангобардами, владевшими большей частью Италии, и лишенная поддержки со стороны Византии, папская власть нашла ее в лице франков. С их помощью с середины VIII в. папы сумели создать свое государство с центром в Риме. Каролинги же сумели с помощью пап обрести королевский и затем императорский титул.

Инициатива такого взаимодействия сначала исходила от римских понтификов. В 739 г. папа Григорий III безуспешно пытался получить военную помощь от Карла Мартелла. После 747 г. майордом Пипин Короткий остался единоличным правителем Франкского государства, но не единственным возможным кандидатом на эту роль. Помимо Карломана, ставшего монахом, у Пипина Короткого имелся сводный брат Грифон, а также племянники, которые со временем могли претендовать на лидерство во франкском мире. В ситуации реального и потенциального соперничества майордом Пипин ощущал потребность в новом определении сути своей власти. Согласно «Анналам королевства франков», в 749 или 750 г. послы Пипина Короткого отправились в Рим с поручением поставить перед папой Захарией вопрос, справедливо ли то, что франкские короли из рода Меровингов не имеют власти, но номинально остаются королями. Ответ был предreshен самим вопросом. Папа высказался за то, чтобы королем назывался тот, кто на деле им является. В 751 г. на представительном собрании франков в Суассоне Пипин Короткий был избран королем и миропомазан Бонифацием или кем-то другим из франкских епископов. Последнего меровингского короля Хильдерика III после коронации Пипина Короткого постригли в монахи, четыре года спустя он скончался в монастыре Сен-Бертен.

Обряд помазания священным мирром как указание на сверхъестественную природу обретаемой власти был заимствованием из Библии, где он прилагается к ветхозаветным царям. До миропомазания Пипина Короткого

Карл Великий. IX в., бронза. Лувр, Париж

этот ритуал засвидетельствован в Англии и Ирландии. В 672 г. миропомазание применялось при коронации готского короля Вамбы в Испании. Но в мире франков этот акт был беспрецедентным и имел огромные последствия для истории политической власти в Европе. В составленном после 870 г. Гинкмаром Реймским «Житии Ремигия Реймского» впервые упоминается священный сосуд или «ампула» со святым елеем, якобы принесенная спустившимся с небес голубем для крещения Хлодвигу — основателя Франкского государства и династии Меровингов. Помазание из «ампулы Хлодвигу», погибшей лишь в годы Французской революции XVIII в., стало обязательным элементом коронационной процедуры. С помощью этой легенды Каролинги стремились представить себя наследниками власти меровингских королей.

Зимой 753/754 г. новый папа Стефан II прибыл в королевство франков, чтобы лично просить у Пипина Короткого помощи против угрозы натиска лангобардов. По этому случаю в аббатстве Сен-Дени он вторично помазал на царство Пипина, а также его сыновей Карла (будущего Карла Великого) и Карломана. Союз пап с новыми правителями франков одновременно стал формой политического разрыва папства с Византийской империей. Согласно официальной папской хронике «*Liber pontificalis*», Стефан II выговорил себе у Пипина Короткого власть над Равеннским экзархатом — областями в Средней Италии, до того подчиненными византийским императорам. В 755 и вторично в 756 г. Пипин Короткий предпринял экспедиции в Италию, разбил лангобардов и заставил их вернуть папам римским захваченные земли. Так состоялось оформление нового политического образования — папского государства с центрами в Риме и Равенне, просуществовавшего до объединения Италии в 1870 г.

Несмотря на смену королевской династии и нововведения в обряде коронации, представления о том, как становятся монархами, оставались во Франкском государстве достаточно традиционными. Все дети короля мужского пола в определенном смысле считались королями по факту рождения. Приобщение к власти происходило при жизни венценосных родителей. Наследование высшей власти после их смерти по-прежнему совершалось путем ее раздела между сыновьями, и только смерть братьев могла затем вновь

собрать наследственные земли воедино. Доля каждого короля при этом обязательно включала часть старинных франкских земель в Нейстрии и Австразии, и хотя каждый король правил вполне самостоятельно, сохранялось представление об определенном единстве Франкского государства. После смерти Пипина Короткого королевство франков было поделено между его сыновьями Карлом, будущим «Магнусом» (768–814) и Карломаном. Но три года спустя Карломан умер, и Карл Великий объединил в своих руках все королевство.

ИМПЕРИЯ КАРЛА ВЕЛИКОГО: ОТ ОБЪЕДИНЕНИЯ ЕВРОПЫ К РАСПАДУ

Долгое правление Карла Великого стало эпохой громких военных побед и масштабных завоеваний. При нем завершилось присоединение к Франкскому королевству германоязычных земель – событие, имевшее далеко идущие последствия. Сопротивление аламанных было окончательно сломлено еще в 746 г. дядей Карла Великого Карломаном, но ценой такого кровопролития, что, по словам одного хрониста, это и было причиной ухода его в монастырь. Правитель Баварии Тассилон присягнул Пипину Короткому в 757 г., но выступил против Карла Великого и был низложен в 787 г. Фризия была завоевана еще Карлом Мартеллом, тем не менее ее болотистые земли оставались почти недоступны для власти франков, а жители глухи к проповеди христианства. «Апостол Германии» Бонифаций в 754 г. обрел мученическую смерть среди «язычников» на севере Фризии. Война с саксами оказалась для Каролингов особенно долгой и кровопролитной. Отчасти это объясняется особенностями политического и социального устройства саксов. В отличие от аламанных, баваров и даже фризов они не подчинялись никакому правителю, которого можно было бы победить или с которым можно было бы договориться. Изнурительная война в Саксонии окончилась только в 803–804 гг. путем геноцида саксов и массовых депортаций германцев.

В ответ на просьбу папы Адриана I в 774 г. Карл Великий начал новую войну с лангобардами. На этот раз самостоятельность их королевства в Италии была ликвидирована, а Карл Великий принял титул короля лангобардов. На Рождество 800 г. в соборе Св. Петра в Риме папа Лев III короновал Карла Великого в качестве императора. «Лоршские анналы» в оправдание этого акта ссылаются на то, что в империи, под которой подразумевалась Византия, в это время правила женщина – императрица Ирина. Биограф Карла Великого Эйнгарт, однако, утверждает, что Карл не хотел и не собирался становиться императором, и инициатива коронации исходила от понтифика. Одни историки рассматривают это утверждение в качестве литературного топоса, рисующего образ идеального правителя, не стремящегося к власти. Другие полагают, что так могло случиться в действительности. Идея «восстановленной» Римской империи имела долгую судьбу и сыграла огромную роль в политической истории Европы. Между тем, возможно, ничего подобного Карл и не задумывал, а мотивом означенного символического акта послужило желание папы Льва III заручиться могущественным союзником перед рядами римских магнатов. Завоевание Италии и поддержка папства вели к столкно-

вению с Византией. В этих условиях Карл Великий искал новых союзников и даже завязал отношения с Аббасидским халифатом в Багдаде. Впрочем, византийцы признали императорский титул Карла Великого в 812 г.

В правление Карла Мартелла, Пипина Короткого и Карла Великого под властью Каролингов оказались огромные территории, но форма управления, унаследованная от Меровингского королевства, очевидно, переменялась мало. Нововведением в государственном управлении исследователи называют появление *missi dominici*, «посланных от государя», но что представляли собой их «отчеты» и имели ли они место, мы точно не знаем. Рост числа капитуляриев со времени Пипина Короткого показывает возрастание роли письменной документации в делах управления; капитулярии франкских королей – весьма разнородные документы, составленные по самым разным поводам. Размеры государства вступали в противоречие с физическими возможностями одного правителя. По подсчетам историков, за двенадцать месяцев в 786–787 гг. Карл Великий проехал свыше 3,5 тыс. километров. Подарок багдадского халифа слон Абу-аль-Аббас вскоре умер, возможно, именно из-за кочевой жизни императора франков. В то же время Карл Великий предпринимает строительство подлинной столицы государства. Таким символическим центром империи и главной резиденцией императора стал Ахен, расположенный в сердце старинных франкских земель.

За несколько месяцев до смерти Карл Великий сам короновал императорской короной своего сына Людовика (814–840) в Ахене в 813 г., а через три года тот был вторично коронован в качестве императора в Реймсе папой римским Стефаном IV. Этот жест, означавший фактическое признание за римскими папами права короновать императоров, положил начало традиции, существовавшей в Средние века.

Новый император окружил себя людьми церкви, и в истории за ним закрепилось прозвище «Благочестивый». Это вопрос не только личной религиозности нового правителя, но и определенных политических предпочтений. Властитель Франкского государства больше не являлся только королем франков. Христианство послужило объединяющим фактором и идеологией государства, ставшего многонациональной империей. До сих пор война была главным организующим принципом правящего слоя Франкского государства, а сам этот слой – военным классом. Порицая войну и насилие, Людовик Благочестивый стремился направить франков на путь мира и христианских идеалов, видя себя исполнителем божественного промысла. Эти идеи вступали в противоречие с традициями наследования королевской власти в державе. Людовик был единственным наследником своего отца Карла Великого, но у него самого имелось три сына, отсюда его обеспокоенность сохранением единства империи. В глазах Людовика оно равнялось необходимому единству христианского мира на пути к спасению. Основные политические события времени его царствования были связаны с борьбой за определение порядка наследования государственной власти.

Возможно, Людовик Благочестивый жил с ощущением близкой гибели. В Страстной четверг 817 г. на выходе из храма в Ахене он едва не погиб под обломками рухнувшей галереи. Документ, обсужденный и одобренный представительным собранием франкской знати в Ахене несколько месяцев спустя под названием «*Ordinatio imperii*», определял порядок раздела наслед-

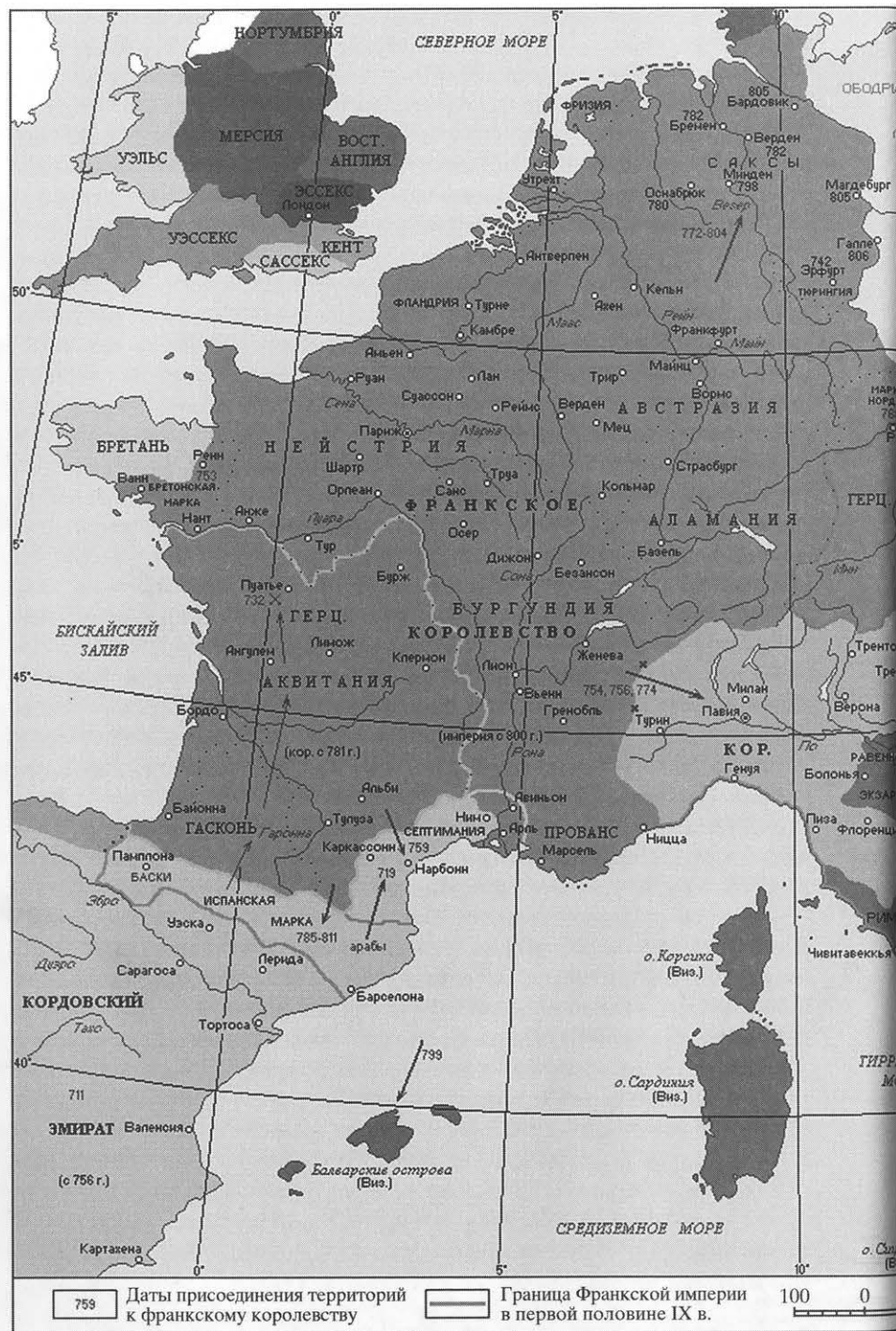
ства императора Людовика на случай его внезапной смерти. Согласно этому документу, младшим детям Пипину и Людовику должны были отойти Аквитания и Бавария – периферийные регионы, в любом случае остававшиеся автономными политическими образованиями. Ядро государства, включая старинные земли франков, оставалось неделимым и вместе с императорским титулом и верховной властью переходило к старшему сыну Людовика Благочестивого Лотарю. В целом, перед нами программа скорее упорядочения и организации, чем раздела страны.

Но роковую ошибку допустил сам монарх, слишком рано задумавшись о смерти, ибо с принятием «*Ordinatio imperii*» его жизнь не закончилась. Овдовев, в 819 г. император Людовик женился на красавице Юдифи, и в 823 г. у них родился сын Карл – будущий Карл Лысый. Существование еще одного наследника не предусматривалось в «*Ordinatio imperii*», но за Карла стояла могущественная родня его матери, поэтому Людовик практически вернулся к идее раздела государства. Его старший сын Лотарь прошел в это время уже коронацию как император и соправитель отца, вокруг него сплотились сторонники порядка наследования, задуманного в 817 г. В сущности, в этом и заключался раскол, которого страшился Людовик Благочестивый: дети выступили против отца и в конце концов победили его.

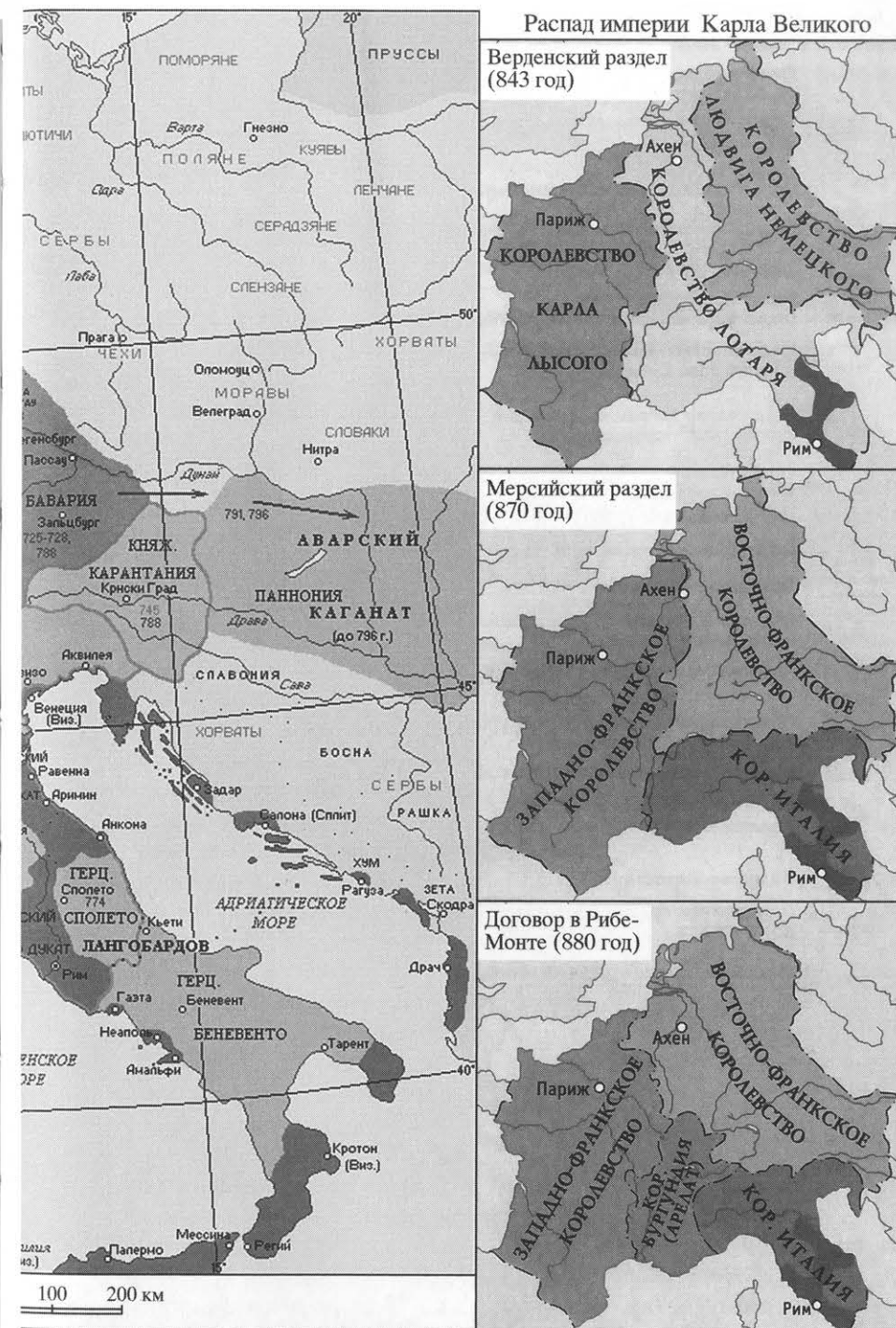
Трехлетие после смерти Людовика Благочестивого в 840 г. вошло в историю как «распря» или «война между братьями». Итогом ее стал фактический раздел Франкского государства. По Верденскому договору 843 г. Карлу Лысому отошли земли, позже ставшие средневековой Францией (Западно-Франкское королевство), Людовику достались владения в Германии (Восточно-Франкское королевство), между ними лежал удел их старшего брата Лотаря – в его руках находился Рим на юге и Ахен на севере. Лотарь сохранял старшинство, данное ему императорским титулом, однако на практике Верденский раздел означал конец единой Франкской империи. Она ненадолго пережила своих создателей. Зато политические структуры, возникшие в результате Верденского раздела, закрепились на политической карте Европы, очевидно потому, что приблизились к социальной и культурной реальности своих регионов. Важным памятником признания таких культурных различий является сохранившийся текст Страсбургской клятвы. Когда в 842 г. Карл Лысый и Людовик Немецкий решили скрепить свой союз клятвой, первый произнес ее на французском, а второй на немецком языке.

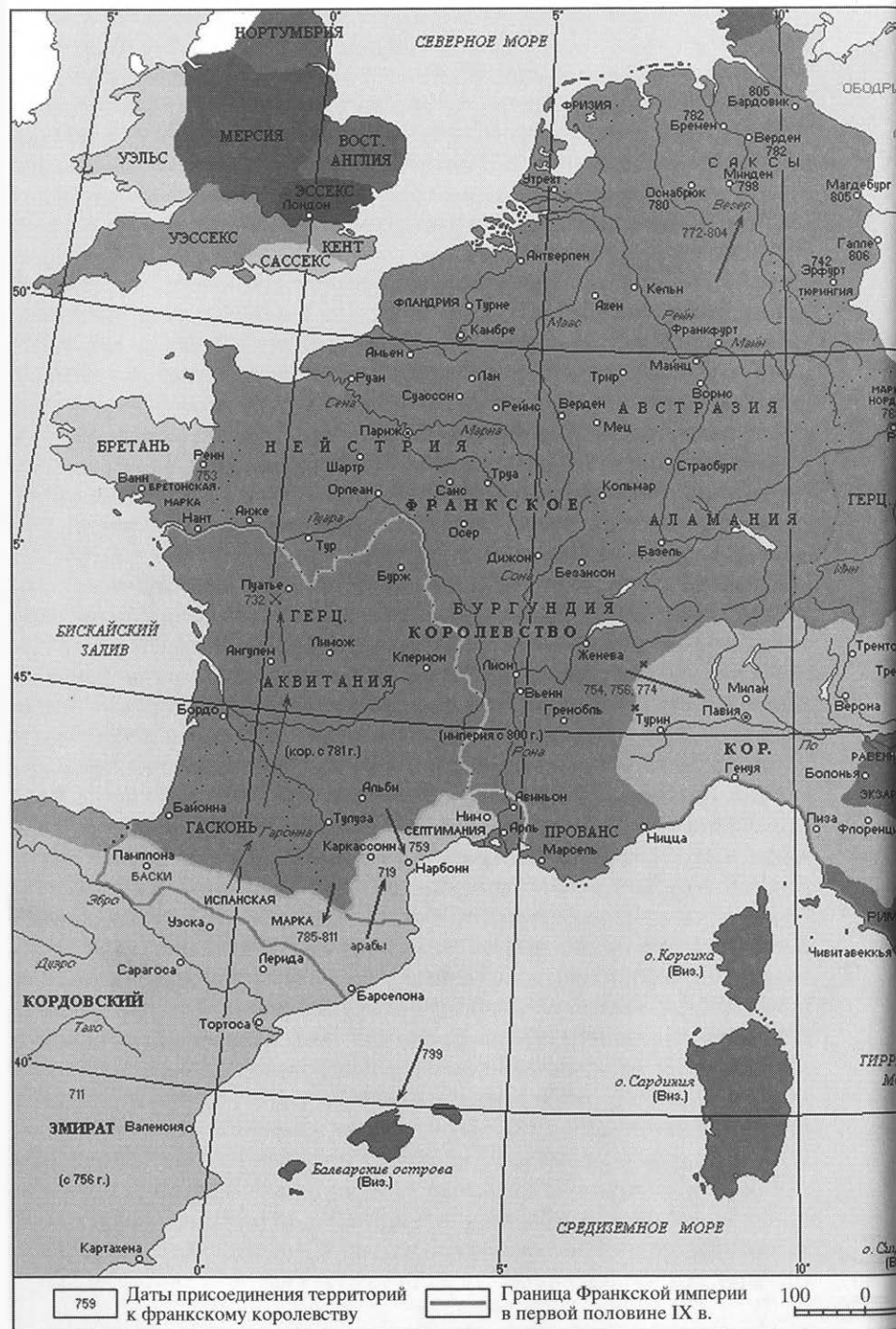
До 855 г. единство сохранялось в форме «союза братьев». Но после смерти императора Лотаря, который разделил свою часть наследства Каролингов между собственными детьми, соперничество вновь обострилось. В 870 г. Карлу Лысому и Людовику Немецкому удалось поделить «Лотарингию» – срединную область между Францией и Германией (тогдашняя Лотарингия была гораздо больше нынешней одноименной области). Еще дважды земли бывшей империи Карла Великого соединялись в одних руках: Карлу Лысому это удалось перед самой смертью в 877 г., сыну Людовика Немецкого Карлу Толстому – в 884–888 гг.

Неумение справиться с набегами викингов, ставшими повальным бедствием, лишало власть императоров авторитета. Восточная часть государства Карла Великого сохранилась лучше. Процессы политического обособления местной знати здесь шли менее активно, и оставалась в силе каролингская

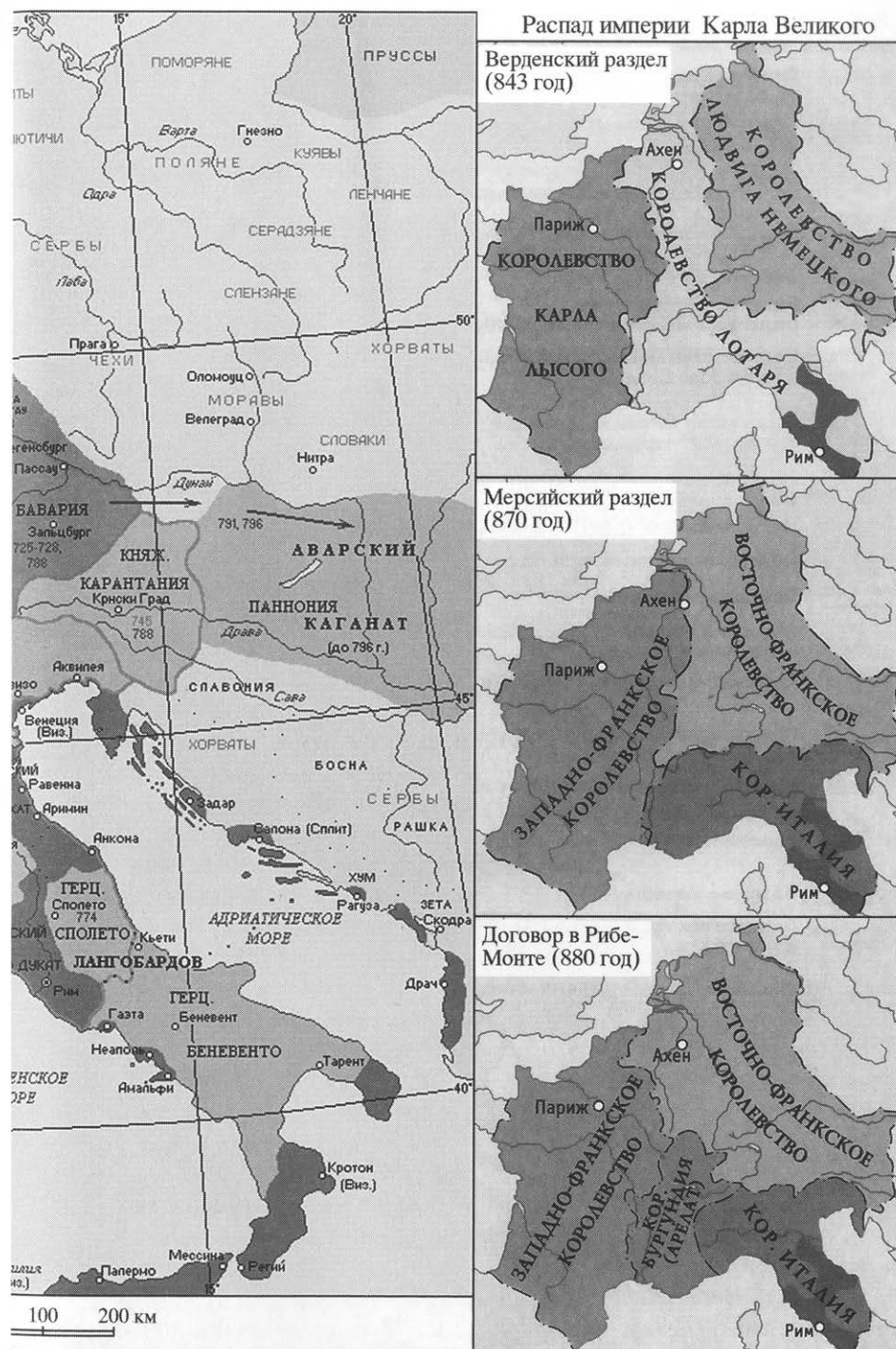

Империя Каролингов и англосаксонские королевства в VIII–IX вв.

Империя Каролингов и англосаксонские королевства в VIII–IX вв.

система управления. В частности, правители Германии смогли удержать под своим контролем епископства и монастыри. Во Франции власть сосредоточилась в руках группировок местной знати, а король не имел достаточных ресурсов для управления страной. Политический строй с тех пор в большей мере основывался на личных связях, обмене услугами и взаимном признании. После Карла Толстого Франция и Германия уже никогда не объединялись под властью единого правителя. «Лотарингия» осталась за Германией. Во многих местах в конце IX в. возникают королевства, не имеющие отношения к Каролингам. В 888 г. королем Италии был провозглашен Беренгарий. Королевства, основанные в 879 г. Бозоном в Провансе и в 888 г. Рудольфом в Верхней Бургундии, в 933 г. при короле Рудольфе II были объединены в одно Бургундское королевство. В Германии каролингская династия пресеклась в 911 г. Во Франции после 888 г. на престоле чередовались Каролинги и представители рода графов Парижских – будущей королевской династии Капетингов.

ЕВРОПА ЗА ПРЕДЕЛАМИ ИМПЕРИЙ

Значительная часть Европы в VIII–IX вв. оставалась за границами Византийской и Каролингской империй, и там происходили, возможно, не менее важные события. В отличие от Римской империи власть Каролингов не распространилась на Англию, хотя некоторые исследователи говорят, что в правление Меровингов подчинение королям франков в какой-то форме существовало. Наш главный источник по политической истории Англии этого периода, «История англов» Беды Достопочтенного (ок. 730 г.), рисует политическое устройство страны в виде системы королевств. По мнению современных исследователей, речь идет о регионах, политические традиции которых сильно различались между собой. Некоторые из них могло связывать вместе лишь признание власти общего правителя, которое оканчивалось с его смертью. Термин «королевства» временами кажется искусственным приращением в эту пеструю картину. Могущественных правителей называли словом *бретвальда*, но что это значило и значило ли что-то определенное, тоже не ясно. Во времена Карла Великого фактическим властителем Англии стал король Мерсии Оффа (757–796). IX век завершается объединением англосаксов под властью Уэссекса, правителем которого был Альфред Великий (871–899). Причины этого объединения определялись прежде всего нашествием викингов.

Хотя морские разбойники действовали на севере Европы уже давно, набеги викингов, которые начались в 90-х годах VIII в. и с нарастающей силой продолжались 120 лет, воспринимались современниками как новое явление. В Англии викингов называли *данами* («датчанами»), во Франции *норманнами*, на Руси *варягами*. Первыми жертвами походов викингов стали христианские монастыри на севере Англии. Если говорить о Франкском государстве, то там первые набеги затронули две области: датчане действовали против торговых центров Фризии, а норвежцы, сделавшие своей базой Ирландию, терроризировали Аквитанию. На своих кораблях они проникали по рекам в глубь страны. Против грабительских вылазок внезапно возникавшего и